

ИВАН АКСАКОВ

КАК НАЧАЛОСЬ И ШЛО
РАЗВИТИЕ РУССКОГО
ОБЩЕСТВА

Иван Сергеевич Аксаков

Как началось и шло развитие русского общества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2625255

Аннотация

«Ровно сто шестьдесят три года минуло с того первого января, когда при барабанном бое и пушечном гrome возведено было, по указу Царского Величества, изумленному русскому люду начало нового лета и нового летосчисления. При этом, под страхом казни, наложен был запрет на тот древний порядок церковного счисления, которого почти семь веков сряду держалась Русь. И наступило новое летосчисление, новое во всех смыслах, – не как простое изменение календаря, но как новая эра, как начало нового гражданского бытия...»

Иван Сергеевич Аксаков

Как началось и шло развитие русского общества

Ровно сто шестьдесят три года минуло с того первого января, когда при барабанном бое и пушечном громе возведено было, по указу Царского Величества, изумленному русскому народу начало нового лета и нового летосчисления. При этом, под страхом казни, наложен был запрет на тот древний порядок церковного счисления, которого почти семь веков сряду держалась Русь. И наступило новое летосчисление, новое во всех смыслах, — не как простое изменение календаря, но как новая эра, как начало нового гражданского бытия. Гений преобразователя, окрыленный всемогуществом власти, везде отменял обычный, естественный ход жизни, ее самобытное творчество, ее свободу, ее органические отправления; везде, с неколебимую настойчивостью, ставил на их место указ и регламент, все созидал и воздвигал вновь, не оставив, кажется, ни одного уголка не только государственной, но общественной и даже частной жизни, который бы не был заклеямен печатью его изволения и силы. Ничто не укрылось от орлиного взора, на все обращено зоркое вни-

мание власти, все принято к правительственному соображению, все сведено к единой цели, заданной себе творцом новой Российской Империи, все поступило на службу идее государства, все взято в казенное ведомство: не только жизнь и достояние людей, но и нравы, не только моря и земли, но и парики и бороды. Конечно, громаднее переворота не видала история. Рядом с созданием армии, флота, фортеций, сената, коллегий, магистратов, ратуш заказывалась наука, повелевалось быть искусству, поэзии, литературе, предписывались уставы для общежития, заимствованные у голландцев и немцев, налагались, по грозной воле царя, правила «комплиментов», русские люди под страхом казней учились танцам и фривольным манерам, важные и сановитые бояре выделывались, выдалбливались и выколачивались в петиметров... Русское общество, обритое, причесанное, одетое по казенным образцам, согнано было в «ассамблеи» привыкать к веселым добрым нравам, к которым относилась и выпивка знаменитого кубка Большого Орла. Если вначале русские люди упирались и не одна русская боярыня, пожалованная в новое звание «дамы», была за уклонение от ассамблеи и танцев принуждена выпить сей кубок, а иные упрямы за несогласие расстаться с бородою расстались с головою, – то впоследствии, однако, старания Петра увенчались полным успехом и насаждения его принесли соответственный плод: русское общество смирилось, отреклось от русских нравов, обычаев, преданий, во сколько это было возможно для природы

людей, все же русских по происхождению, и с покорностью двинулось по указанной ему дороге, к ассигнованному ему волею Петра идеалу.

Этот настойчивейший из реформаторов, который, по выражению Пушкина, был «на троне вечный работник,

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,

то цирюльных, то галантерейных дел мастер», – успел даже дать официальную формулу выражениям народной преданности и восторга (введением венгерского крика «ура») и вообще вдохнуть во все движения общественной жизни всемогущество казенного духа.

Под влиянием этого духа началось новое бытие для России; толчок, данный Петром, чувствуется и доселе; длань Петра еще распростерта над Россией, дух Петра предносится перед деятелями, Россия продолжает вращаться в круге, начертанном Петром, – другой круг еще не найден, или по крайней мере еще не обозначился ясно, хотя с нынешним царствованием возникло движение, которое, может быть, историк будет вправе назвать «обратным». Этот круг есть развитие государственного органа насчет всех прочих органов и во всевозможных разветвлениях и видоизменениях не только в области внешней и материальной, но и в области внутренней и духовной. Мы устраняем теперь всякое суждение о

качестве этого явления, мы не станем разбирать – насколько оно было подготовлено предшествующею историею и насколько оно было исторически необходимо для того, чтобы овладеть материалом, чтобы покончить образование внешней государственной оболочки и обеспечить внутреннее развитие в размерах, соответственных внешней, историею данной форме. Не подлежит сомнению, что недуги древней Руси требовали сильного врачевания, что в том или другом виде реакция была неизбежна, но что теперь приходится лечиться от последствий леченья, и что реакция Петра, по естественному закону, должна была вызвать, и уже вызвала, новую реакцию. Затем, так как полнота развития и здоровая правильность органических отправлений немислимы без участия в общей жизни организма и государства, и общества, и народных масс, то понятно, что, пока народные массы были не все призваны к жизни и полагались на степени материала, пока Манифестом 19 февраля 20 миллионов русских людей не были введены в общую жизнь организма, до тех пор, уже по одной этой причине, кровообращение должно было совершаться неправильно, и при слабости элемента общественно-го вся сила громадного организма ушла в *один* орган, им одним жила и держалась... Как бы то ни было, но теперь, когда Манифестом 19 февраля 1861 года исполнилась задача нашего сложения, нашей формации, – задача, лежавшая на обязанности государства, – теперь необходимо уравнивание органических отправлений, правильное распределение

функций или, так сказать, службы органов; необходимо точно и ясно распознавать области того или другого элемента... Материальный, так сказать, физический наш рост окончился, и наступает пора сознательного, преимущественно общественного развития. Мы не можем уже теперь отстраняться от работы самосознания: отныне в ней наше спасение и сила; отныне не останется безнаказанным никакое наше свободное уклонение от путеводительства разума, не сойдет даром никакое добровольное пренебрежение обществом своих духовных прав, своей нравственной миссии. Отныне обществу предстоит восполнить неравномерность развития наших органов, на него ложится историческая ответственность, его черед наступает. Но само собою разумеется, обществу следует постоянно помнить, во-первых, что здорово только то общество, которое народно и всеми своими корнями коренится в народе; во-вторых, что оно должно относиться к себе как можно строже, не забывая, что область общественная не есть область государственная и государственная область не есть общественная, не посягать на первую, но и не упускать из виду свою духовную самостоятельность и свободу...

Если все это не совсем ясно читателю, то мы попросим его воскресить в своей памяти то время нашей истории, когда вполне сознательная необходимость в создании крепкой государственной политической жизни встретилась с бездействием или почти с совершенным отсутствием общественно-го элемента. Петр не ограничился (может быть и не мог огра-

ничиться) преобразованием одной внешней формы, доступной вполне государственным силам; ему необходимо было наполнить эту форму соответственным содержанием, и потому, *в духе государственных целей*, совершились преобразования в области духа по преимуществу – в церкви, в сфере просветительных, общественных начал, в среде общественной, в нравах. Но так как эта область духовная менее доступна действию государственному, чем область внешняя, государственная, то большая часть жизни духовной убежала в массы народа, в глубь почвы, где вместе со всеми истинными земскими силами долго хранилась под спудом, пока нынешнее царствование не вызвало их вновь к жизни. Остальные же классы народонаселения, лишённые таким образом силы энергического самобытного творчества, стали развиваться в данном направлении медленно и пассивно по мере казенной надобности. Создалась великая и величественная держава. Но какая же это держава без наук и искусств? Необходимы науки и искусства, *artes molliunt mores*, искусства смягчают нравы, смягченные же нравы облегчают *государственное* управление; необходимо и просвещение в известной мере и степени: оно образует полезных слуг *государству*. И вот могущественною волею Петра пересаживаются науки и искусства совсем готовые, берутся под государственное покровительство, поступают в государственную *службу*. Хорошее цветущее государство без муз не обходится!.. Нужен и поэт для прославления подвигов, и скульп-

птор для изваяния статуй великих государственных деятелей, нужен и писатель с добрым слогом, чтоб мог сочинить на нужные государственные случаи, торжества и другие потребности – приветственную речь, похвальное слово, историю событий; нужен и актер для увеселения двора и публики (которую также приходилось создавать вновь, ее ведь не было, – она также у нас происхождения официального!)... Да, необходимы актеры, необходимы комедии, балеты, необходимо веселье как одно из условий государственной гигиены... И вот являются и поэты, и скульпторы, и живописцы, и писатели, и актеры, и балетмейстеры, и ученые, и веселые люди, и все поступают на службу, расписываются по классам и рангам, содержатся на счет государства и отдают ответ правительству в своей художественной, ученой, литературной или увеселительной деятельности. Когда читаешь историю просвещения России при Петре I Пекарского, приходишь в невольное изумление пред теми настойчивыми, энергическими усилиями государства: создать во что бы ни стало штатс-просвещение, штатс-науку, штатс-искусство, штатс-журналистику, штатс-поэзию, штатс-литературу, штатс-галантерейность, штатс-нравы, штатс-нравственность... Государство не щадило расходов на воспитание общества в направлении и в духе соответствовавших государственным целям. Конечно, ни одно общество в мире не стоило таких издержек казне, как русское общество! Нигде, впрочем, и не давалось ему свыше, *от казны*, воспитания! От кабаков и

увеселительных домов до Академий наук и разных храмов музам – все это содержалось на казенные деньги, на казенный счет, казною, ради государственной надобности.

Так началось и шло развитие русского общества!

Но с духом труднее справиться, чем с формой, и раз возбужденный (а он был сильно возбужден громовыми ударами Петровской реформы), – он изнесет, наконец, из своих недр плоды горькие или сладкие, добрые или злые, но во всяком случае самостоятельные. Отрицательное отношение к жизни, сатира и юмор легли в основание русской литературы: история нашей словесности (после Петра, разумеется; трудно назвать «литературою» деятельность слова предшествовавших столетий) начинается сатирами Кантемира. И если потом блеск, величие, слава государства породили поэтов, искренно вдохновленных и в этом смысле положительно относившихся к явлениям жизни, – зато, по замечанию Хомякова, от Аристофана до наших времен никакая литература не представила образцов таких великих комедий *общественного* значения и содержания, как русская, нигде не развился с такою силою дух осмеяния, отрицания всего того ложного и мишурного, чем заражена наша жизнь; нигде не проявилась с такою страстью, переходившею за пределы изящного, потребность простоты и правды в искусстве. Вместе с тем началась в обществе работа самосознания. Вызванные силы духа, если и не способны были к положительному творчеству, зато со всею силою обратились на критику, на анализ, на иссле-

дование причин нашего общественного недуга, на изучение народных начал. Дар самосознания – великий дар, и если, повторяем, нашему обществу недостает еще вообще сил положительных, зиждущих, сил жизненного творчества, то это происходит оттого, что еще не восстановлена цельность нашего жизненного организма. Зато мы богаты теперь способностью анализа, чуткостью сознания и горьким, сознательным опытом.

Впрочем, сказанное нами относится собственно к области внутреннего духовного развития. Что касается до развития, так сказать, политического, то скоро оказалось, что государство обременило себя через силу, взвалив на себя заботы не только государственного, но общественного и даже частного характера, исправляя должность общества везде и всюду, заменяя отправлениями государственными все другие отправления... Мало того: открывалась необходимость в обществе как в материале, как в грузе государственного судна, как в посредствующем элементе между властью и массами. Екатерина вспомнила о земстве и передала земству часть попечений государственных по внутреннему управлению. Отсюда начинается ряд правительственных действий, которым ничего подобного не представляет история других стран: правительство само, непринужденно, собственной инициативой поступает своею властью обществу, уделяет ему, вместе с обязанностями, часть своих прав, так сказать, налагает ему привилегии «самоуправления» – и большею частью встре-

чает со стороны самого общества если не отпор, то равнодушие или пассивную покорность... Выходит так, что само правительство должно учить общество «самоуправлению», само направлять его, смотреть за ним, возбуждать, сочинять и формулировать за него его внутреннюю деятельность. Общество почти до сих пор не может еще высвободиться само из-под петровской опеки и само до сих пор, несмотря, по-видимому, на все усилия правительства, продолжает быть тем же *штатс-обществом*, каким оно было создано при Петре... Последним, новейшим актом этого поступления государством обществу своей власти являются земские учреждения. Но для того чтоб усилия государства увенчались успехом, для того чтоб общество и государство стали в надлежащее равновесие друг к другу и чтоб развитие этих существенных элементов политического организма получило правильный и равномерный ход, необходимо... отрешиться от преданий Петровской реформы. Необходимо, чтобы общество получило не только политическую привилегию, но и нравственную свободу, чувствовало себя не только удостоенным прав и преимуществ, но и духовно-самостоятельным и свободным... Только тогда государство достигнет своей цели и извлечет для себя надлежащую пользу из общества, когда обществу предоставится возможность быть обществом не по образу и подобию данному извне, не штатс-обществом, а самим собою. Если в прошлом году правительство, держа речь к иностранным державам, признало полезным опереть-

ся пред лицом всего мира на общественное мнение страны, то необходимо, чтоб эта опора была всегда тверда, прочна, благонадежна, чтоб общественное мнение было точно свободным мнением общества, чтоб иностранцы не могли его считать вызванным на сей только случай, но чтоб оно всегда действовало, жило и проявлялось свободно. Русскому правительству менее, чем всякому другому в мире, можно опасаться уклонения общественного мнения в ущерб интересам государства: вся история наша свидетельствует о силе не только внешней, но и духовной у нас государственного элемента. Напротив, для того чтоб он не утратил своего истинного значения, он не должен обессиливаться, заменяя собою в государстве службу элемента общественного. Мы думаем, что уже настало время для нашего общества перестать быть порождением официальным, штатс-обществом, а государству – исправлять должность общества; мы думаем, что с освобождением крестьян 19 февраля 1861 г. должна бы начаться для России новая эра, эра полного развития всех органов нашего организма в надлежащем друг к другу соотношении, без ущерба для государства, но к его укреплению и благоденствию, – уже не внешнему и материальному только, но духовному и нравственному.